

В Москве прошел первый международный фестиваль Окуджавы. Старый Арбат стал большой сценической площадкой, на которой — наконец-то! — вновь запели стихи Булата.

Окуджава ушел от нас четыре года назад — за мельканием дней, президентов, курсов валют мы как-то и не заметили, что прошло столько времени. Имя Булата Шалвовича не то что позабылось, но как-то не очень часто вспоминалось. Усилиями друзей поэта в Переделкине создан его музей, который был официально признан, лишь когда его существование не замечать стало неприличным. Но уже на первую годовщину со дня смерти поэта ни на Арбате, ни у дома, где он провел последние дни, ни в том же Переделкине не было гитар, не было его песен. Получалось, что самый большой фестиваль памяти Окуджавы прошел в день его похорон, когда человеческая река к установленному в театре имени Вахтангова гробу текла через весь Арбат. Тогда звучали и песни Булата.

Прошли годы. Чтобы помнили, следовало напомнить, эту задачу и поставили перед собой руководители телекомпании REN TV. Само мероприятие и задумано, и осуществлено было с размахом, который, как мне кажется, самого Окуджаву мог бы и покорить. Хотя все, что организаторы втиснули в рамки фестиваля, было вроде и нужным, и своевременным. Аукцион, на котором продавались представленные видными людьми (Михаил Шемякин, Эльдар Рязанов, Эрнст Неизвестный, Фазиль Искандер) лоты, помог выручить приличную сумму, которая пойдет на приведение в порядок архива поэта, обустройство переделкинского музея, установку памятника на Арбате.

Потом был концерт, точнее — даже два. Вначале прямо на улице, на специальной сцене пели барды, друзья и последователи Окуджавы, позднее — не сцене театра имени Вахтангова, тоже друзья и последователи, но уже не простые, а увенчанные разнообразными лауреатскими званиями. Профессионалы.

Первый концерт был явно удачнее. Второй, при всей искренности участников, был слишком эстрадным, но именно он попал позже в телевизионную версию — потому телезрители и не смогли почувствовать атмосферу, что царила у театра Вахтангова до того момента, пока в заблокированную охранниками дверь театра не стали просачиваться VIP-гости. Организаторы главного фестивального концерта стали жертвой ошибочной концепции — непременно доказать, что камерный поэт стал звездой мировой величины. Так хотелось, чтобы все флаги были в гости к нам!

И все же Окуджава, даже эстрадный, остался Окуджавой. Оказалось, он очень красиво звучит и по-шведски, и по-польски, и по-

БУЛАТА много не бывает

*И смерти нет, и свет в окне, —
царит порука круговая, и все поют, не уставая...*

испански, и по-итальянски. И как здорово по-английски! Правда, на этом языке даже таблица умножения может стать близком.

Окуджаву исполняли японка Утако Ватанабе, шведка Вондри-на Андерсон, американцы Джон Батчер и Рик Монро, кубинец Абельардо Альфонсо, немец Клаус Грабенхорст, чех Иржи Вондрачек... Знаменитый поляк Даниэль Ольбрыхский пел со сцены так, словно находился в узком кругу друзей Булата.

И никто не скупился на слова о поэте. Самую потрясающую историю рассказала Лариса Герштейн,

заместитель мэра Иерусалима, известная в Израиле исполнительница песен российских бардов:

— Когда Булат Шалвович приехал в Израиль на свой последний концерт, то написал стихи о еврейской девочке-солдате, защищающей свою родину, — они мало кому известны в России. Мне удалось быстро подобрать к ним музыку, которая понравилась Окуджаве. Кто бы мог знать, как проникновенно остро зазвучит эта песня в начале XXI века, когда в нашем городе совершен чудовищный теракт, унесший жизни двадцати юных моих со-

граждан. Были среди погибших и раненых 14–16-летние девочки предпризывного и призывного возраста...

Эту песню Лариса Герштейн исполнила вне программы фестиваля, чем убедительно подтвердила его нужность. У него есть все шансы не стать мемориальным мероприятием, надо только с песнями Окуджавы выйти из элитного театрального зала не только на Арбат, но идти с ними в школы, в студенческие общежития. Булата много не окажется.

Борис СИНЯВСКИЙ